

Но и человек, прочитавший «Десять главных книг русской литературы», мало чем отличается от человека, прочитавшего только одну. Достижение регламентированного кем-то предела дает ему право быть «довольным» по Ибсену, а следовательно — право решать судьбу наследия, в том числе того, которое не вошло в регламент. Вычеркивать из школьной программы книги Куприна и Бунина. Сносить дома в Печатниковом переулке. Жечь старые комаровские дачи. Именовывать провинцию — провинцией, вешая на географическую территорию ярлык второстепенности. А после — сетовать на то, что современная русская литература так не похожа на ту, что существовала полтора века назад, что в ней царят эпигонство и местечковость. На то, что у нее — «сердце кухарки».

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Александр СЕРГЕЕВ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АРХЕТИПА ТРИКСТЕРА

Миф и его проявление в современной культуре не утратили своего значения. Мифология, по признанию многих современных исследователей, — это не удел архаического мировоззрения первобытных людей. Мирча Элиаде, религиовед, отмечал в своем труде «Аспекты мифа», что «мифологическое мышление может оставить позади свои прежние формы, может адаптироваться к новым культурным модам. Но оно не может исчезнуть окончательно»¹. Русский философ и филолог А. Ф. Лосев писал: «всякая живая личность есть миф»². Поэтому не исключено то, что в большинстве литературных произведений имеется отпечаток мифа, если не в эксплицитной, то в имплицитной форме, через репрезентацию архетипических аспектов в характере, образе и функциях литературного персонажа. Такой отпечаток мифического коснулся и бурсацкой художественной прозы³, в одном из произ-

Александр Александрович Сергеев родился в 1993 году. Студент магистратуры кафедры церковно-практических дисциплин Санкт-Петербургской духовной академии, бакалавр теологии. Публикации: «Бурсацкая проза как особое направление в русской литературе // Филологические науки. 2016. №4; «Расширительное определение термина «религия» в трудах русских богословов XX в.: П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова и В. Ф. Войно-Ясенецкого // 30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета: сборник научных статей. Екатеринбург: Макс-Инфо, 2017; «Проблема классификации неоязыческих атрибутов в славянском фэнтези // Сайт «Богослов.ру». URL: <http://www.bogoslov.ru/text/5268980.html> и др.

¹ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010. С. 175.

² Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 2001. С. 99.

³ См. статью: Сергеев А. А. Бурсацкая проза как особое направление в русской литературе // Филологические науки. 2016. № 4. С. 87—95.

ведений которой, а именно в «Alma Matrix, или Служение игумена Траяна» А. Кукушкина и М. Гурова, наблюдается мифологический архетип Трикстера, фигурирующий на протяжении всего сюжета книги.

Образ Трикстера — явление, для мировой культуры распространенное. Трикстера можно обнаружить во многих литературных героях как зарубежного, так и отечественного происхождения: это и Тиль Уленшпигель из одноименного романа Шарля Де Костера, и Остап Бендер из произведений И. Ильфа и Е. Петрова, бравый солдат Швейк Ярослава Гашека и др. Говоря об определении термина «трикстер», возникают определенные сложности: как отмечает Губская, «литературный трикстер... отличается от мифологического, однако существуют определенные черты, которые подчеркивают общую природу образа»⁴. Действительно, при попытке обозначить систему атрибутов Трикстера возникают определенные сложности: из-за архаичности, архетип прошел всю историю и видоизменился. Каждую эпоху Трикстер имеет своеобразные признаки, которые, однако, пересекаются между собой.

Наиболее гибкую и универсальную систему атрибутов предлагают Ахметшин А. Р. и Горбатов А. В. в своей публикации «Атрибутивные признаки архетипа трикстера»⁵. Данное исследование более ориентировано на литературное бытие Трикстера: авторы в качестве демонстрации репрезентации архетипа Трикстера опираются на текст романа Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом». Что касается остальных авторов, занимавшихся этим вопросом, то большинство из них, — П. Радин, К.-Г. Юнг, К. Леви-Стросс, Е. М. Мелетинский, Е. С. Новик — осветили атрибуты мифологического Трикстера. Такие черты, как, например, зооморфность, оборотничество и животное начало, вряд ли имеют какое-либо отношение к таким литературным трикстерам, как Остап Бендер, Воланд или Тиль Уленшпигель.

А. В. Ахметшин и А. В. Горбатов предлагают следующую систему атрибутов: «Игровой характер действий; Невозможность вписаться в известные рамки (хаос), непредсказуемость; Гиперсексуальность; Склонность к трансформации; Трансляция каких-либо идей; Юмор»⁶. Из данного перечня следует исключить атрибут «гиперсексуальность», поскольку в интересующем нас произведении А. Кукушкина и М. Гурова данная черта отсутствует. Вместо него следует включить иной атрибут, который следует обозначить так: наличие трюка, имеющего своей целью обмануть антагониста ради какой-то цели. На их основании можно выявить репрезентацию архетипа трикстера в тексте произведения «Alma Matrix, или Служение игумена Траяна». Следует пояснить, что в данном произведении персонажи не воплощают Трикстера, а лишь репрезентируют его, поскольку авторы наделили их не всеми качествами, которые свойственны именно этой мифологической фигуре: например, мы не можем назвать персонажей мошенниками, хотя это и неотъемлемая черта многих трикстеров, как мифологических, так и литературных. Также должно отметить, что вышеперечисленные атрибуты можно считать универсальными и объединяющими архетип Трикстера в разных культурах и литературных произведениях, поскольку они соответствуют основному смыслу распространенного определения данного архетипа. К примеру, Е. М. Мелетинский дает такую дефиницию: «Демоническо-комический дублер культурного героя наделяется чертами плута-озорника (трикстера). Культурные герои часто прибегают к хитрым трюкам для достижения успеха в самых серьезных деяниях <...> В типе трикстера как бы заключен некий уни-

⁴ Губская О. Н. Актуализация архетипа трикстера в романе М. Горького «Виленские коммунары» // Миф, фольклор, литература: эстетическая проекция мира. Wrocław, 2016. С. 188.

⁵ См.: Ахметшин А. Р., Горбатов А. В. Атрибутивные признаки архетипа трикстера // Вестник КемГУКИ. 2015. № 32. С. 81–85.

⁶ Там же. С. 85.

версальный комизм, распространяющийся и на одураченных жертв плута, и на высокие ритуалы, и на асоциальность и невоздержанность самого плута»⁷.

Репрезентируют архетип Трикстера в «Alma Matrix» два главных персонажа — Александр Настоящий и Михаил Гайда, по сюжету являющиеся семинаристами-четверокурсниками Московской духовной академии. Их антагонистом выступает игумен Траян (Введенский), проректор по воспитательной работе и воплощение всей воспитательной системы Московской духовной академии, реагирующий на трюки Гайды и Настоящего контртрюком.

Первые четыре атрибута, обозначенные как игровой характер действий, невозможность вписаться в известные рамки, хаос, непредсказуемость, можно объединить в одно целое, поскольку они взаимосвязаны между собой. Гайда и Настоящий почти постоянно творят вокруг себя игру, при этом эти игровые действия зачастую хаотичны, непредсказуемы и не могут вписаться в известные рамки Бурсы — духовной семинарии, в которой эти два персонажа учатся. Например, в самом начале встречается сюжет, в котором Гайда и Настоящий устраивают по ночам диспут еретиков для того, чтобы позабавить публику и при этом помочь разобратся в богословии: «Зачем Гайда с Настоящим придумывали новые ереси, никто однозначно ответить не мог. Но каждый понимал, зачем лично ему необходимо с очередной ересью ознакомиться — это был лучший способ понять и выучить православную догматику. Обычно ночные лекции состояли из выступления Гайды, который предлагал „ересь номер один“, и ответа Настоящего, который, вставая на защиту веры отцов и опровергая заблуждения товарища, создавал „ересь номер два“, всячески уверяя, что именно его концепция и есть истинное учение Церкви. Потом начинались дебаты»⁸. В этом сюжетном моменте, относящемся напрямую к интересующим нас персонажам, явным образом реализуется игровой характер действий, так как для интеллектуалов Гайды и Настоящего такие еретические «мастер-классы» — именно игра, которую они скорее устраивают для того, чтобы потешить себя и внести в общий установившийся порядок определенную долю хаоса. Эти ночные лекции, противоречащие как православному богословию, так и порядкам, заведенным в духовном учебном заведении, являют собой конкретный пример хаотичности поступка Гайды и Настоящего, их непредсказуемого поведения, их невозможности вписаться в рамки заданного проректором Траяном — главным антагонистом этих двух «трикстеров» — устава для учащихся. Вместо того чтобы спать после положенного для всех студентов отбоя, данные персонажи нарушают распорядок и берут на себя роль еретиков (здесь можно проследить и склонность к трансформации, и это — не единственный случай, где Гайда и Настоящий меняют маски), творят беспорядок в атмосфере порядка, собирая вокруг себя других семинаристов.

Также четко выделяется игра и в сюжете главы «Обет игумена Траяна»⁹, где Гайда и Настоящий устраивают свадьбу своему сокурснику — Алексею Сковороде. Вместо мальчишника они устраивают продолжающуюся всю ночь молитву с монахами, причем с весьма необычной причиной: «Чтобы, вступая в брак, ты знал, какой духовной радости лишаешься, отказавшись от монашества»¹⁰. Выкуп невесты в затее Гайды и Настоящего заменяется высвобождением невестой жениха: для этого будущей жене Сковороды приходится лезть по приставленной к окну лест-

⁷ Мелетинский Е. Культурный герой // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 26–27.

⁸ Кукушкин А., Гуров М. Alma Matrix, или Служение игумена Траяна // Нева. 2012. № 1. С. 19.

⁹ Там же. С. 36–42.

¹⁰ Там же. С. 37

нице, дабы освободить из пут горе-жениха. На эту выходку также находится свое объяснение: «...мы знаем, что священники в массе своей идут в ад... Единственный шанс для священника не попасть после смерти на огненную сковородку — его жена <...> Если жена священника готова ради него на все, то у него появляется шанс спастись. Поэтому всякая девушка, желающая стать матушкой, должна быть готова на подвиг самоотречения, самопожертвования»¹¹. Наконец, во время свадебного торжества Гайда и Настоящий хитростью завозят Скороду в исправительное учреждение, дабы он прочитал лекцию о смысле и значении православного брака заключенным. И в этот раз игра не обходится без других атрибутов: действия «бурсацких трикстеров» никоим образом не вписываются в рамки нормального свадебного торжества, а также являются хаотичными и непредсказуемыми как для Скороды, так и для других гостей свадьбы.

Наконец, хорошим примером игры служит случай в Третьяковской галерее: «Настоящий стоял напротив „Девочки с персиками“ и жевал персик, а Гайда убеждал смотрительницу, что его друг — известный молодой художник, ищущий в персике и Серове вдохновения»¹². И в этом случае игра Гайды и Настоящего сопряжена с другими атрибутами, характеризующими персонажей как трикстеров, способных на хаотичные поступки, которые во всех случаях сюжета произведения являются непредсказуемыми и не соответствующими общепринятым нормам.

Обращаясь к упомянутым нами ранее атрибутам (хаотичности, непредсказуемости, невозможности вписаться в заданные рамки), можно привести еще два примера, удачно раскрывающие эти черты в образах героев. Например, Гайда и Настоящий могли, видя отчаявшихся первокурсников перед дверьми кабинета проректора, «уничтожать остатки их надежды жуткими историями о кровавых расправах Траяна»¹³. Либо Настоящий мог торговаться с таксистом, который требовал четыреста рублей, до меньшей суммы — трехсот пятидесяти рублей, но в итоге заплатить водителю изначально требуемую им сумму¹⁴. Даже окружающие их семинаристы признают их хаотичность, инаковость: «„Чтобы в открытую пойти на проректора, нужно быть просто сумасшедшим“, — сказал очередной отказывающийся, и Никиту осенило — он вспомнил о пятикурсниках Гайде и Настоящем»¹⁵.

Идейно продолжает эти четыре атрибута введенная нами черта: наличие трюка, цель которого — обмануть антагониста ради достижения чего-либо. Соответственно, эти трюки (мы выделим из всего текста произведения два) также имеют игровой характер, непредсказуемы, хаотичны и вряд ли могут вписаться в заданные рамки семинарского общества. Например, в сюжете главы «Безумие игумена Траяна» Гайда и Настоящий, обманывая распорядок своей alma mater и в таком случае самого игумена Траяна, под покровом ночи пробираются к Соборной площади Троицкой лавры, дабы забросать снежками стелу с солнечными часами, причем с определенной целью: с желанием залепить снегом изображенные на пластине знаки зодиака, являющиеся в понимании Гайды и Настоящего нехристианскими и оскорбительными. Данный трюк мог удасться, но игумен Траян, будучи антагонистом, в ответ на него производит контртрюк: встречает за этим делом семинаристов и своей хит-

¹¹ Там же.

¹² Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix, или Служение игумена Траяна* // Вологодская литература. 2011. № 10. С. 87

¹³ Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix, или Служение игумена Траяна* // Нева. 2012. № 1. С. 23.

¹⁴ Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix, или Служение игумена Траяна* // Вологодская литература. 2011. № 10. С. 53–54

¹⁵ Там же. С. 86.

ростью, через загадки, вынуждает Гайду и Настоящего все-таки написать объяснительные и получить в дальнейшем строгий выговор.

В четвертой и пятой частях главы «Красноречие игумена Траяна» также имеется трюк, в котором Гайда и Настоящий посредством обмана Траяна — через создание управляемой аудитории семинаристов на публичном отчислении из числа студентов, которая по плану должна была всячески поддерживать только Гайду и Настоящего, — попытались спасти семинариста Егора Утлова и поддержать свободомыслие в стенах учебного заведения. Трюк, однако, и в этом случае оканчивается поражением: несмотря на то, что Егор Утлов был спасен от отчисления, игумен Траян, организовав в ответ свою группу поддержки (контртрюк), лишает студенческий совет Московской духовной академии возможности проявить очередную свободу.

Итак, первые четыре атрибута, являясь взаимосвязанным целым, показывают нам нестандартность, необычность, плутовство Гайды и Настоящего. Но, помимо этих черт, имеются и другие три атрибута: склонность к трансформации, трансляция идеи и юмор. Трикстерам свойственно менять личину, облик, поэтому главные персонажи Гурова и Кукушкина имеют способность к некоторому перевоплощению. Правда, оно непостоянно, однако каждый из них на протяжении всего сюжета так или иначе примерял на себя другую маску. Например, Настоящий при разговоре с Траяном мгновенно становится не только человеком с плохим зрением, но и с плохими слухом: «Настоящий отложил в сторону платок и очки в роговой оправе, встал, поморгал близоруко, нашарил изящные очки в оправе позолоченной, напялил их на себя, увидел игумена и молодого монаха и спросил: — Что вы сказали? — Настоящий плохо слышал без очков»¹⁶.

Гайда также имел склонность к трансформации, применяя на себя образ Тургенева: «Это был один из тех дней, отцы, которые случаются только тогда, когда погода установилась уже надолго. С самого раннего утра небо было ясно... Даже подслеповатый Настоящий оценит мягкое алое сияние на месте закатившегося солнца и увидит, как, тихо мигая, словно бережно несомая свечка, затеплится на темнеющем небосклоне вечерняя звезда... — Тургенев! — закричал Сковорода. — „Записки охотника“, конечно! Этот отрывок про звезду, которая затеплится словно свечка, нас заставляли в школе учить наизусть»¹⁷. Вообще, Гайда и Настоящий в нужные моменты доказывают этот атрибут и другими методами: например, когда лгут или когда прикидываются больными либо когда Настоящий прикидывается известным художником, для них, как для художественной репрезентации архетипа Трикстера, смена масок — обычное дело.

Также в соответствии с репрезентацией заданного архетипа Гайда и Настоящий вносят философские мысли, которые, несмотря на игру, весьма интересны и глубоки. Например, вышеупомянутые объяснения Сковороде на необычные свадебные мероприятия являются хорошим примером такой трансляции идеи. Причем по содержанию они относительно христианской теологии и философии верны и затрагивают весьма непростую тему христианского брака и монашества. На шутку о плохом зрении со стороны сокурсников Настоящий начинает отвечать в духе Людвиг Витгенштейна: «— Человек смотрит на мир не глазами, мой недалекий друг... Человек смотрит на мир языком. „Граница моего мира — это граница моего языка“, — сказал Витгенштейн, слышал о таком? Мы видим только то, для чего у нас есть слова»¹⁸.

¹⁶ Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix, или Служение игумена Траяна* // Нева. 2012. № 1. С. 23.

¹⁷ Кукушкин А., Гуров М. *Alma Matrix, или Служение игумена Траяна* // Вологодская литература. 2011. № 10. С. 23.

¹⁸ Там же. С. 22.

Порой эти идеи могут быть провокационными и нестандартными, но при этом они не лишены смысла: «В нашей Церкви женщина окончательно победила мужчину, окончательно и бесповоротно... Карьера священника начинается со свадьбы, карьеру священника начинает его жена. Нет жены — нет священника. Священнослужителей в нашу Церковь поставляют женщины, это их привилегия и даже обязанность»¹⁹.

Последний, но немаловажный атрибут — юмор, завершающий образ трикстера в данном художественном произведении. Гайда и Настоящий — персонажи-юмористы, они постоянно шутят, играют, передают окружающим позитивный настрой. Пожалуй, нельзя мыслить этот атрибут без семи других: все их действия сопряжены с юмором. А юмор, в свою очередь, напрямую связан с игрой. Он хаотичен, непредсказуем, неординарен: многих шутки Гайды и Настоящего вводят в ступор. Два бурсацких трикстера иронизируют всю жизнь, развернувшуюся в стенах Московской духовной академии. В качестве яркого примера можно привести действия, случившиеся после открытия грандиозного спортзала для студентов в главе «Тучность игумена Траяна»: «Гайда сделал золотую табличку с надписью: „Вначале была мерзость запустения. Потом был Анатолий Голот. А потом появился этот зал. Слава герою! Благодарные потомки не забудут тебя, Анатолий. Спи спокойным сном, пусть земля будет тебе пухом, а на Страшном суде пусть оправдаешься ты четырехсторонней силовой мультистанцией, грифами, дисками и гантелями. Аминь“... Настоящий создал специальный „Чин освящения фитнес-зала“ с сомнительными ссылками на ветхозаветного судью Самсона и его подвиги по избиванию филистимлян ослиной челюстью и всё просил Голота подать чин на рассмотрение владыке ректору, чтобы использовать его при открытии-освящении комплекса»²⁰. Как мы видим, иронически обыгрываются даже вещи, относящиеся к религиозной сфере. Юмор Гайды и Настоящего безграничен и распространяется на все их действия в сюжете.

Подводя итоги, следует отметить, во-первых, реальное наличие репрезентации архетипа Трикстера в «Alma Matrix» М. Гурова и А. Кукушкина: Гайда и Настоящий полностью соответствуют выделенным нами атрибутам, характеризующим персонажа как Трикстера. Авторам удалось создать образы, которые маргинальны относительно установленной особым порядком, уставом обстановки Московской духовной академии. Они никоим образом не вписываются в заданные системой рамки, держась всегда особняком своих идей и поступков. Их поведение хаотично, непредсказуемо. Гайда и Настоящий постоянно играют с окружающими их людьми и иронизируют над любой ситуацией. Поэтому данных персонажей можно считать репрезентацией Трикстера. Во-вторых, произведение М. Гурова и А. Кукушкина в связи с наличием образа Трикстера приобретает особое культурное значение в отечественной литературе и, конечно же, в таком текстовом единстве, как бурсацкая художественная проза.

Литература:

Ахметшин А. Р., Горбатов А. В. Атрибутивные признаки архетипа трикстера // Вестник КемГУКИ. 2015. № 32. С. 81—85.

Губская О. Н. Актуализация архетипа трикстера в романе М. Горецкого «Виленские коммунары» // Миф, фольклор, литература: эстетическая проекция мира. Wrocław: Фонд «Русско-польский институт», 2016. С. 183—200.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 56.

Кукушкин А., Гуров М. Alma Matrix, или Служение игумена Траяна // Вологодская литература. 2011. № 10. С. 103—106.

Кукушкин А., Гуров М. Alma Matrix, или Служение игумена Траяна // Нева. 2012. № 1. С. 6—77.

Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 559 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. 719 с.

Элиаде М. Аспекты мифа. М: Академический проект, 2010. 251 с.